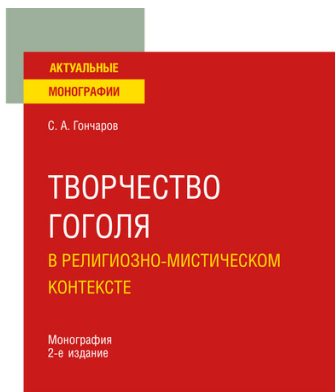

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

Гончаров С. А. Творчество Н. В. Гоголя в религиозно-мистическом контексте. 2-е издание. Москва: Изд-во Юрайт, 2021. 228 с. (Актуальные монографии).

Предисловие автора¹

Прошло изрядное количество лет с момента выхода этой книги.

Занимаясь практикой высшего образования, я отошел от активной филологии, изредка навещая ее не столько как исследователь, сколько как читатель. Думал, что этой монографией попрощался с Гоголем, однако в 2009 году я вновь вошел в «Днепр» и подготовил с коллегами том в серии «Русский путь» «Гоголь: pro et contra» и даже замахнулся на второй. Практически был готов состав, но, увы – гоголевский «сюжет» – второй том не состоялся и уже не состоится с моим участием. Надеюсь, что продолжение Гоголя ждет своего инициатора.

К переизданию этой монографии меня подталкивали друзья, уверяя, что она может быть интересной и для современных гоголеведов и вообще – для молодых исследователей. Предложение издательства Юрайт в серии «Актуальные монографии» разрешило все сомнения, за что я ему благодарен.

В коротком предисловии я хотел бы выразить две свои интенции. Первая. Вижу с сожалением, как сжалось литературоведческое пространство и пространство гуманитарного знания, как ушло бурное время литературоведческого центризма, как покидают нас классики и мастера, как снижается сам статус культуры научного труда и исследований.

¹ Печатается с разрешения автора. – Г.К.

Вторая, мне невероятно повезло, поэтому, покидая поле литературоведения, хочу выразить свою признательную благодарность и любовь учителям (некоторые из них стали моими самыми близкими друзьями) и коллегам, кто настраивал мое мышление и понимание литературы, кто задавал горизонты и увлекал их достичь, кто был для меня образцом профессионального и человеческого поведения. В этом году исполнилась красивая цифра Валерию Игоревичу Тюпе – многие лета! – исполнилась бы круглая дата Натану Давидовичу Тamarченко – светлая память! В Донецке работает Владимир Викторович Федоров, кто первый открыл для нас М. М. Бахтина и «поэтический мир» литературного произведения. Помню и храню память о своем учителе – Владимире Марковиче Марковиче, пронзительно изящном и мыслью, и поступком, многое определившем в моей судьбе. По «дороге» Гоголя самым значительным событием была встреча с Михаилом Вайскопфом, чей энциклопедизм и интерпретация текстов писателя в исследованиях и беседах были вдохновляющими.

В 2021 году юбилеи у двух выдающихся филологов, гуманитариев, которые оказали сильное влияние на мое профессиональное мышление, которые поддерживали мои занятия и стали моими друзьями – Ежи Фарино и Игорь Смирнов, им – мои особые сердечные чувства и благодарность за многолетнюю дружбу.

Ничего в переиздании не менял, и это принципиально. Хочется надеяться, что у книги будет свой читатель.

Грозный, педагогический университет, 20 октября 2020 г.

Эта книга выросла из серии предшествующих работ, написанных автором в 1992–1997 гг., однако она не появилась бы без поддержки первого ее читателя – Ольги Михайловны Гончаровой.

М. Вайскопф¹

О КНИГЕ С.А. ГОНЧАРОВА

Когда в 1990 году я напечатал в журнале «Советское славяноведение» статью о Гоголе и «внешнем человеке» у Г.С. Сковороды (включенную через три года в мою монографию «Сюжет Гоголя»), мне показалось, что среди своих коллег в СССР я не встречу не только единомышленников, но даже людей, готовых хоть как-то увлечься подобной темой.

Гоголь пребывал тогда в загонах принудительного просвещения, унаследованного у дореволюционной традиции. Хорошо помню, какое нескрываемое недоумение вызвал мой доклад о «Шинели», прочитанный тогда же в Гоголевской группе ИМЛИ. Сама дихотомия «внутреннего» и «внешнего» человека, а равно имена Сковороды и Юнга-Штиллинга воспринимались в остальном вполне приветливой аудиторией как загадочная и совершенно избыточная экзотика.

¹ Михаил Яковлевич Вайскопф - филолог, литературовед, славист, переводчик и комментатор библейских текстов. Профессор русской литературы Иерусалимского университета, доктор философии.

Еще более враждебную реакцию, правда, я встретил у нас в Иерусалиме со стороны одной академической дамы, только что переселившейся из Барнаула: «Да откуда вы выкопали эти странные, дикие имена: Сковорода, Юнг-Штиллинг, какой-то гностицизм, масоны!» Признаться, меня впечатлила сила этого праведного негодования, рожденного невежеством. К тому времени уже вышел, правда, полный двухтомник Сковороды, составленный в Киеве И. Табачником, а потом и конъюктурно-благонамеренная книга о нем Ю. Барабаша («Не закрывая глаза на эти уступки Сковороды религиозному сознанию...»). Появились и кое-какие материалы о его влиянии на прозу А. Белого – но о Гоголе речи еще не шло. Между тем я, со своей стороны, лишь последовал вдохновляющему примеру замечательного эмигрантского исследователя Д.И. Чижевского, который еще в 1938 г. затронул проблему «Гоголь-Сковорода» в своей статье о «Шинели», а в 1974-м написал по-немецки целую монографию о Сковороде. Но все это было за пределами Советского Союза и при его существовании туда почти не доходило.

Зато в посткоммунистической России ситуация начала меняться, и лучшее тому доказательство – научные изыскания С.А. Гончарова. При знакомстве в Петербургском педагогическом университете, где он тогда работал, я испытал именно то, что принято называть радостью встречи, и это чувство усилилось, когда потом, в 1997-м, я прочитал его новаторскую книгу о Гоголе. Она открыла перед гоголеведением новые горизонты. Это было лучшее из исследований духовного мира писателя, написанное на тот момент в постсоветской России, и по своей ценности она до сих пор превосходит все вместе взятые сборники «Гоголевских чтений», выходящие в Петербурге.

К числу самых плодотворных мест гончаровского труда относится, на мой взгляд, продемонстрированная уже в первой главе – «Романтическая метафизика и мифология в раннем творчестве Гоголя» – связь между его литературным дебютом и йенским романтизмом, причем очерчена она под углом последующей эволюции Гоголя, эволюционировавшего вскоре к религиозному дуализму. Значимо здесь указание на связь его мотивов тишины и безмолвия с апофатической теологией, воспринятой им при посредстве Жуковского и русских масонов и типологически близкой к наследию Якоба Беме и Иоганна Арндта.

Особенно впечатляет великолепная отсылка «ужасной тишины» в «Старосветских помещиках», когда «ни один лист в саду на дереве не шевелился», к мистической «ужасной тишине» Дж. Пордеджа, когда «ни один листочек колеблющимся не кажется». Насколько мне известно, это вообще первое упоминание Пордеджа в гоголеведческой литературе – и почему-то последнее.

Увлекательно представлены мотивы инцестуальности и андрогинности в «Вечерах» и, в частности, в повести о Шпоньке, где Гончаров убедительно прослеживает полемику автора с библейской заповедью о браке, выказывая в этом разборе образцовую зоркость и цепкость взгляда, нечастую среди гоголеведов. Я имею в виду его блестящее указание на то, что страхи Шпоньки: «Жить с женою!.. непонятно! Он не один будет <...> но их должно быть везде двое...» – это инверсированный парафраз евангельского речения «Оставит человек отца

своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они будут уже не двое, а одна плоть» (Матф., 19: 5-6). Впрочем, сам этот стих взят был евангелистом из ветхозаветной заповеди: Быт. 2: 24, так что здесь, кажется, правильнее говорить о полемике именно с Ветхим Заветом, достаточно типичной для Гоголя как дуалиста гностического типа. Заслуживает восхищения и анализ той сцены «Страшной мести», где колдун вызывает душу своей дочери Катерины, заклина стихии и наводя тьму, и где демонический чародей, по определению Гончарова, замещает «грозного Бога-Отца» из Ветхого Завета, причем слова «и стала тьма» отсылают к библейскому «И стал свет» (Быт. 1:3).

Во второй главе – «Религиозно-учительная проблематика и негативная антропология Гоголя (от петербургских повестей к “Мертвым душам”)» – наиболее близким мне видится обращение к роли Сковороды при изучении темы страстей и «внешнего человека» в психологии Гоголя (анализ «Носа», «Шинели», «Портрета»). Привлекает внимание, конечно, и смежное обращение к барочным мотивам у Гоголя (гораздо более убедительное, чем, например, всеядная и бесцветная эклектика Н. Друбек-Майер). В частности, существенным вкладом в решение этой проблемы стал показ «метонимических метафор» Гоголя, – таких, скажем, как «дом» и «окна» в «Мертвых душах», «восходящих к традиционной религиозной аллегории души (“человек есть храм”), реализующей мистический аспект антропологии». Сюда относится, помимо прочего, соотнесенность «слепых лачуг» в имени Хлобуева с его духовным «беспутством».

Еще важнее прослеженное Гончаровым в том же контексте родство петербургских повестей с методологией Сковороды: последний «рассекает целое, автономизируя значение частей и подвергая ее последовательному толкованию». «Часть и целое, – пишет Гончаров, – центральные понятия символической эстетики и этики Сковороды, они связаны с мистико-теологической концепцией, согласно которой автономизация части прочитывается как бунт против целого/Единого. В мистической антропологии “самость” частей “тела Христова” – результат повреждения природы и дьявольской гордыни; барокко устанавливает символический изоморфизм тела и социума, поэтому болезнь телесных органов всегда имеет семиотическую функцию». К тому же семантическому ряду, подчеркивает исследователь, примыкает символика одежды – как у Сковороды, так вслед за ним и у Гоголя, в первую очередь, в его «Шинели».

Есть она и в «Мертвых душах» – там это соблазны, одолевающие Чичикова на его сбивчивом пути к перерождению. Можно отметить заодно интересную попытку установить корреляцию между гоголевским очищающим смехом – «смехом сквозь слезы» и воззрениями архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского) в его трактовке наследия Сковороды: «смех в плаче кроется». Собственно церковные источники понятия «мертвая душа» Гончаров дает в весьма широком диапазоне: от Августина («О граде Божиим») и Иоанна Златоуста до «Добротолубия» и книги Матвея Десницкого «Беседы о воскресении мертвых» – естественно, прибавив к этому и некоторые романтические сочинения гоголевской поры. Со Златоустом Гончаров связывает и трудовую этику Гоголя.

По моему мнению, здесь было бы уместнее говорить все же о протестантских тенденциях писателя, проступивших в его поздний период, однако здесь не место для подобной полемики.

К списку бесспорных удач исследователя необходимо добавить зато приведенное им свидетельство И. Щеглова о том, как прибывшие в монастырь актеры по заказу игумена в полночь сыграли там «Ревизора», словно бы воплотив тем самым гоголевское аллегорическое толкование «Ревизора», встретившее столько протестов, но обретшее живую поддержку именно в церковных кругах.

В сущности, книга С.А. Гончарова в итоге оказалась как бы достойным и совершенно свободным восполнением того классического труда, который некогда Василию Гиппиусу не позволила дописать советская академическая цензура.

Крайне несправедливо вместе с тем, что она так долго не переиздавалась, – и как замечательно, что она наконец вышла заново.

Думается, без учета ее достижений сегодня нет по-настоящему полноценного гоголеведения.

Выход книги в 2021 году совпал с юбилеем автора.

Сергею Александровичу Гончарову – 65!

Поздравляем известного талантливую ученого-гоголеведа, литературоведа и культуролога с этой датой!

Благодарим за идею нашего долгоиграющего проекта «Культура и текст» (поистине «В начале было Слово»), за 1996 год и первую научную конференцию, где благодаря Вам собрался такой звездный состав ученых, что сбежался весь город, чтобы увидеть столь уникальных людей. Спасибо и за другую конференцию 2005 года, где подводились итоги и появились новые участники, до сих пор остающиеся нашими друзьями. Спасибо за поддержку в дальнейшем нашего сборника, потом сетевого издания. Спасибо за лекции для студентов: наши студенты благодарные (не так часто в нашей глубинке удается послушать приезжих специалистов, первоклассных ученых) и т. д.

Мужества Вам, терпения, удачных проектов!

Желаем покорения новых вершин, вдохновения и творчества!!!